

Алексей Митрофанов
Пречистенка

Прогулки по старой Москве



Алексей Митрофанов

**Пречистенка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Пречистенка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908026-4

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена самой роскошной улице нашего города — Пречистенке. И сегодня это один из самых популярных и дорогих районов Москвы, а в девятнадцатом столетии он и вовсе был суперэлитным, селилось в нем в основном дворянство, занимавшее целые особняки.

ISBN 978-5-44-908026-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Библиотека	6
Пушкин волхонский	13
Музейщик	15
Княжеская экспозиция	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пречистенка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8026-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена самой роскошной улице нашего города – Пречистенке. И сегодня это – один из самых популярных и дорогих районов Москвы, а в девятнадцатом столетии он и вовсе был суперэлитным, селилось в нем в основном дворянство, занимавшее целые особняки.

Названа же Пречистенка в честь знаменитой некогда иконы Пречистой Божией Матери. Находилась она в Новодевичьем монастыре, в сторону которого и была проложена улица.

В меньшей степени своим дворянским прошлым может похвастаться Остоженка. Здесь жили люди попроще – и купечество, и скромная интеллигенция. Зато уже в двадцатом веке под этой улицей пролегла первая ветка московского метро. В честь этого события улица долгое время называлась Метростроевской, однако же в 1980-е ей вернули старое название, данное в честь Остожья – поля, сплошь заставленного стогами сена.

А начнем мы нашу прогулку, разумеется, с Волхонки. Все ж таки плясать от печки, то есть от кремлевских стен – уже своего рода традиция. Итак, Волхонка. Своего названия не меняла с восемнадцатого века – как называли ее, бывшую Чертольскую, в честь здешнего знатного домовладельца М. Волконского, – так с тех пор и не трогали.

Ну а время от времени мы будем углубляться в переулки. Куда же без них?

Библиотека

Дом Пашкова или Пашков дом (Моховая улица, 3) построен в 1786 году предположительно по проекту архитектора В. Баженова.

Дом Пашкова – сочетание невероятное. Ну почему, действительно, Пашкова? Допустим, господин Пашков и вправду был первым владельцем дома. И что? Ведь после его смерти (кстати, тот Пашков владел домом совсем недолго) дворец принадлежал его наследникам (увы, совсем неинтересным для истории), затем здесь был Дворянский университетский пансион, Румянцевский музей, Библиотека Ленина (а ныне – РГБ). Но нет, запало все же – «дом Пашкова».

Может быть, просто фамилия красивая? Такая вся московская, шипящая и фырчащая – «Пашшшккоффф».

Судьба этого здания вполне самодостаточна. Оно прожило интереснейшую жизнь, которой, увы, сегодня предстоят новые испытания. Четыре линии метро, проходящие под дворцом, нисколько не способствуют его здоровью – как душевному, так и физическому. Да приводить его в порядок толком никто, похоже, не стремится.

Само происхождение дома Пашкова овеяно тайной. То ли Баженов его строил, то ли Казаков, то ли еще какой-нибудь московский архитектор. Большинство искусствоведов склонно полагать, что все-таки Баженов. Вроде бы дом Пашкова несколько напоминает так и не построенный дворец в Кремле, который проектировал известный архитектор и масон Василий Иванович Баженов. Кстати, именно благодаря масонству авторство и скрыто, полагают исследователи. Ни к чему было Пашкову афишировать заказ, который дан хоть и помилованному «императрикс Екатериной Алексеевной», но все же государственному преступнику.

Архивы же Пашкова, способные, вероятно, пролить свет на сию тайну, сгорели в пожаре 1812 года.

Новый дворец покорила сердца наивных москвичей. Из любви ко всему иностранному его моментально прозвали «московским палаццо». Многие, даже иностранцы, называли это здание одним из чудес мира. Герой чеховской «Палаты №6», доктор Андрей Ефимович, когда земляк-почтмейстер вывез его «развезаться» в Москву, осматривал баженовскую достопримечательность в одном ряду с Кремлем, храмом Христа Спасителя и Иверской часовней. А уже в двадцатом веке инженер Никитин (автор Останкинской башни) специально приходил к дому Пашкова, чтобы им полюбоваться.

Дом и вправду был необычен, а поначалу даже чересчур роскошен для Москвы. «Два входа ведут в дом. По ним вы достигаете верхних помещений и входите на просторную вышку в куполе дома, откуда открывается прелестнейший вид на всю Москву... Внизу два каменных бассейна, посреди которых находится фонтан... – писал Иоганн Рихтер в своем сочинении „Москва. Начертание“. – Сад и пруд кишат иноземными редкими птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины живут здесь на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих диковинок и прекрасного вида по воскресеньям и праздникам собирается здесь множество народа».

Вы видели когда-нибудь китайского гуся? А вот простой московский обыватель восемнадцатого века видел. Благодаря Петру Егоровичу Пашкову.

То был человек с более чем красивой родословной. Лейб-гвардеец, капитан-поручик, внук денщика самого Петра Великого, он имел среди прочих своих предков и высокопоставленного воеводу, и казачьего атамана, и даже верного соратника Лжедмитрия Второго. Вместе с этим сам Пашков был персонажем больше отрицательным, чем положительным. Его знали как богатого и не всегда чистого на руку откупщика, который постоянно с кем-нибудь судился

и, кроме того, он известен был как «отыскиватель беглых из вотчин обоего пола людей и крестьян».

* * *

В 1812 году дом горел, но был восстановлен, в 1818 году на его крыше побывал прусский король. Фридрих Вильгельм III прибыл с двумя сыновьями в русскую первопрестольную столицу и пожелал, помимо всего прочего, обозреть откуда-нибудь панораму города. Выбор пал именно на этот объект. Генерал П. Киселев вспоминал: «Я провел их на Пашкову вышку – бельведер – в доме на Моховой, принадлежавшем тогда Пашкову, а ныне занимаемом Румянцевским музеем. Только что мы вылезли туда и окинули взглядом этот ряд погорелых улиц и домов, как к величайшему моему удивлению старый король, этот деревянный человек, как его называли, стал на колени, приказав и сыновьям сделать то же. Отдав Москве три земных поклона, он со слезами на глазах несколько раз повторил: „Вот она, наша спасительница“».

Вскоре Пашков дом опять пришел в упадок. «Новый путеводитель по Москве» писал в 1833 году: «Почтенный читатель! Не спешите ныне к сему дому, если не хотите, чтобы сердце ваше страдало: вы увидите тот же дом, тот же сад, но все в самом жалком состоянии. Огромный четырехэтажный дом, образец прекраснейшей архитектуры, ныне только что не развалины, окошки забиты досками, сад порос мохом и густой травой».

Прошло время, и дом приобрел Московский университет. Диковинки в виде золотых клеток не возобновили, но дом в чувство привели. По-прежнему прекрасный дворец стал меж тем отныне зданием утилитарным. Таким и пребывал до самой старости.

Разумеется, с Пашковым домом связано множество легенд. В первую очередь они, конечно же, касаются подземелий. (Почему-то москвичи всегда равнодушны именно к тому, что кроется под мостовыми и фундаментами. Недаром у нас самое красивое метро в мире.)

Не один писатель-беллетрист пугал своих читателей рассказами то про опричников Ивана Грозного, которые здесь расправлялись со своими недоброжелателями, то про каких-то выцветших от вечной темноты чекистов, не выходивших на поверхность вплоть со сталинских времен.

Хотя странные вещи здесь и вправду находили. Например, в начале девяностых годов прошлого столетия во дворе Пашкова дома прорвало трубу. Пока решали, чем откачать воду, она вдруг сама куда-то делась. Стали проверять асфальт и обнаружили глубокий белокаменный колодец, судя по всему, семнадцатого века.

* * *

А между тем в 1831 году в Санкт-Петербурге открылся новый музей – Румянцевский. Он представлял из себя книжную, рукописную, нумизматическую, этнографическую и прочие коллекции, собранные графом Н. Румянцевым и завещанные им казне. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «С 23-го ноября сего года Румянцевский Музеум открыт для публики на основании Высочайше утвержденного в 28 день мая 1831 года учреждения сего Музеума... в коем параграфе 2-м постановлено: каждый понедельник с 10-ти часов утра до 3-х пополудни Музеум открыт для всех, желающих осматривать оный. В прочие дни, кроме воскресных и праздничных, допускаются те посетители, кои намерены заниматься чтением и выписками в Музеуме, где могут они для сего оставаться – зимою с 10-ти часов утра до захождения солнечного, а летом с 10 часов утра до 8-ми часов вечера».

Граф Румянцев был фигурой знаменитой. Публицист А. В. Старчевский посвятил ему в 1846 году весьма объемную статью, в которой неустанно восхвалял этого деятеля. Статья так и называлась: «О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории»: «С юных лет Румянцев отличался кротостью, благородством души, светлым умом и необычайной понятливостью... В год восшествия на престол Екатерины II (1762) молодой Румянцев записан был

в военную службу. На 17 году (1770) он был уже адъютантом, а спустя два года (1772) пожалован в камер-юнкеры. Через два года после того он уехал за границу для окончания своего образования и пробыл там около пяти лет. Возвратившись в Отечество, он поступил на службу при дворе и пожалован в камергеры (1779). Вслед за тем он назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском сейме во Франкфурт-на-Майне.

Убедившись в неполноте своего образования, он с усердием приступил к изучению германской, французской и английской литератур. Находясь на одном месте целые пятнадцать лет, Румянцев обогатил свои сведения, в особенности в науках политических, исторических, филологии и библиографии. Ознакомившись с сокровищами, которые раскрыла перед его любознательным взором образованность главнейших европейских государств, он хорошо понял младенческое состояние наук в своем Отечестве. Тогда-то и родилась у него мысль – оказать соотечественникам услугу в этом отношении».

По прошествии тридцати лет музей вместе с библиотекой решили перевести в Москву. Тут-то и пришелся ко двору старый дворец Пашкова. Князь В. Голицын писал: «Еще с лета 1861 года здание начали приспособлять под музей; после нескольких ремонтов в нем постепенно были произведены большие переделки. Отдельные помещения превращены в залы... устроены каменные своды, деревянные перекрытия заменены железными, голландское отопление духовым (позже пароводяным)».

В. И. Соболевский, один из опытных библиотекарей, давал пространные советы: «Если бы я был главным начальником Московской библиотеки, то потребовал бы от лица, имеющего библиотеку в ближайшем заведении, прежде всего:

1. Организации полицейской части в таком виде, чтобы все хранящееся в библиотеке было цело и сохранено. Тут я разумею порядок в самом хранилище и механизм удовлетворения посетителей.

2. Книги каталогизировать так, чтобы при спросе какой-нибудь книги она была находима без потери времени.

3. Чтобы все книги библиотеки, кроме каталогов, имели такую шкапную опись, по которой можно было бы проверять все в натуре, и

4. Чтобы все экземпляры, замечательные или по изданию, или по внешности и даже по переплету, хранимы были с такой тщательностью, какой они заслуживают».

И заключал: «Для исполнения этих условий нужны опытность и немалая доза знания библиотечных работ и сверх того добросовестность и аккуратность.

Потом уже можно желать, чтобы замечательные издания и рукописи были описаны ученым образом. Это требование важно в высшей степени, но стремиться к его исполнению можно только, когда библиотека находится в совершенном порядке.

Вот мой взгляд на порядок, какого бы я желал Московской библиотеке, если бы она была в моем полном распоряжении. Для исполнения изложенных мною условий не годится новичок в библиотечных работах, будь это ученейший муж и самый серьезный любитель книги».

В наши дни эти советы кажутся банальными. Однако же в те времена библиотечные, а также и музейные традиции еще не были наработаны.

И спустя какой-то год музей опять открылся. При этом на его фронтоне появилась надпись: «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение». Та самая, которая была еще в Санкт-Петербурге.

Кстати, если сейчас и в музеях, и в библиотеках большую часть коллектива составляют женщины, то тогда в «Румянцевке» работали одни мужчины. Дамы имели право здесь работать только на правах «вольноотрующихся» – то есть без отпуска, без пенсии и за гораздо меньшую зарплату.

* * *

Как и полагает всякой знаменитости, Пашков дом довольно часто становился героем скандалов. Например, Иван Цветаев, основатель Музея изящных искусств на Волхонке, долгое время был директором располагавшегося там Румянцевского музея. Он приезжал в музей исполненный достоинства, с солидной тростью и довольно скучным выражением лица. Медленно и важно шел в свой кабинет. Швейцары низко кланялись директору.

Этот ученый муж даже и не догадывался, что под его носом процветает банальнейшее воровство – и сотрудники, и посетители таскают почем зря ценнейшие рукописи и другие редкости. Один из похитителей, поэт Петровский, даже попал в литературу. Велимир Хлебников так описывал похождения этого деятеля: «Неужели тот самый, который по Москве ходил в черной папаше, белый, как смерть, и нюхал по ночам в чайных кокаин? Три раза вешался, глотал яд, неприютный, бездомный, бродяга, похожий на ангела с волчьими зубами. Некогда московские художницы любили писать его тело. А теперь – воин в жупане цвета крови – молодец молодцом, с серебряной шашкой и черкеской. Его все знали и, пожалуй, боялись – опасный человек. Его зовут «кузнечик» – за большие, голодные, выпуклые глаза, живую речь, вдавленный нос. В свитке, перешитой из бурки, черной папаше... он был сомнительным человеком большого города и с законом не был в ладу.

Некогда подражал пророкам (вот мысль – занести пророка в большой город с метелями, – что будет делать?).

Он худой, белый как свеча, питался только черным хлебом и золотистым медом, да английский табак, большой чудака, в ссоре с обществом, искавший правды. Женщины-художницы писали много раз его голого, в те годы, когда он был красив.

Хромой друг, который звался чертом, три раза снимал его с петли. Это было вроде небесного закона: П. давливается, Ч. снимает.

Известно, что он трижды обежал золоченый, с тучами каменных духов храм Спасителя, прыгая громадными скачками по ступеням, преследуемый городским за то, что выдрал из Румянцевского музея редкие оттиски живописи.

Любил таинственное и страшное. Врал безбожно и по всякому поводу».

А вскоре Александр Шварц, министр просвещения, уволил Цветаева с почетной должности директора. Иван Владимирович не мог успокоиться до самой смерти и, уже будучи безнадежно больным, называл основанный им Музей изящных искусств просто Музеем, а Румянцевский – «музеем, из которого меня выгнали».

Вышло так, что после революции Румянцевский музей возглавил Анатолий Виноградов – друг и ученик Ивана Владимировича. Понятно, что Ася Цветаева, сестра поэтессы Марины и дочь Ивана Владимировича, оставшись вообще без средств к существованию, пошла к нему проситься на службу. Но получила отказ. Виноградов сказал ей:

– Видите ли, сейчас у нас нет набора работников, штат полон. И мне кажется, работа библиотекаря вам вредна: у вас же сильная близорукость.

Марина Цветаева потом сетовала: «В бывшем Румянцевском Музее три наших библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. Мы – Москву – задарили».

Бог, как говорится, шельму метит. В 1928 году товарищ Виноградов был и сам уволен. Причиной послужило то, что специальная проверка обнаружила среди работников подведомственного ему учреждения всего 23 большевика и с десяток комсомольцев. Это при том, что весь штат состоял из 327 человек. Зато бывших дворян насчитывалось целых 62 сотрудника.

Видимо, Виноградов не лукавил – на момент обращения Анастасии Цветаевой свеобразный «лимит» был превышен в разы.

Отказ, впрочем, погоды не сделал.

* * *

Конечно же, в Румянцевском музее появлялись не одни лишь интеллектуалы. По выходным, когда посещение «Румянцевки» было свободным, здесь с удовольствием собиралась самая что ни на есть разношерстная публика. Особенно ей нравилась картина А. Иванова «Явление Христа народу», купленная императором Александром II у потомков художника и сосланная, как тогда говорили, в «почетную ссылку» из столицы в Москву.

Илья Репин восторгался этим полотном и называл его «величайшим произведением целого света, гиганта, родившегося на Руси». Каждый свой приезд в Москву Илья Ефимович обязательно шел «на поклон» к своей любимой картине: «По воскресеньям перед нею толпа мужиков и только слышно: „Уж так живо! Так живо!“ И действительно, живая выразительность ее удивительна! И по своей идее близка она сердцу каждого русского. Тут изображен угнетенный народ, жаждущий слова свободы!»

Правда, уже после революции картину чуть-чуть обидели. Когда художник Павел Корин делал с нее копию, ему все тот же «Толя Виноградов» неожиданно велел переместиться в другое, значительно менее удобное место. Мотивации были на первый взгляд весьма пристойными – якобы первоначальное место художника располагалось рядом с лестницей, и бедный Корин мог в любой момент свалиться вниз. Конечно, Корину пришлось послушаться, и в результате копия вышла чуть хуже, чем могла бы.

А оригинал в конце концов обрел почет и уважение в самом главном музее русской живописи – «Третьяковке». Впрочем, еще до революции ее пытались разыскать в первую очередь в собрании Павла Михайловича Третьякова – казалось странным, что такое примечательное полотно может находиться в ином месте.

Экскурсоводы «Третьяковки» любят рассказывать об одном забавном случае. Однажды у картины задержалась парочка восторженных провинциалов. Они весьма подробно обсудили все детали полотна. Разобрались во всем – одно лишь было непонятно: где именно Христос является народу. В итоге одного из мужичков осенило:

- Видишь горы сзади?
- Вижу.
- То-то же. Значит, Урал.

Так получил народ «слово свободы», о котором вожделем художник Репин.

* * *

Самым же маститым из читателей библиотеки был Владимир Ильич Ленин. Первый визит состоялся еще в 1893 году. Ленин расписался в книге посетителей: «Владимир Ульянов». Затем вспомнил про конспирацию и приписал на всякий случай: «Помощник присяжного поверенного». Подумал и указал адрес: «Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3». Никаким помощником поверенного Ильич на самом деле не был, да и жил в то время не на Бронной, а в Большом Палашевском переулке.

Бывал он здесь и в 1897 году. «Даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке», – вспоминала его сестра Анна Ильинична.

Однако же образ старательного посетителя библиотек за Ильичем был закреплен на всю оставшуюся жизнь. Действовал он и после смерти – в 1925 году библиотека стала не Румянцевской, а Ленинской. И поэт В. Семернин тешил своих читателей:

Ступени,
ступени,
ступени —
как книги уложены в ряд...
Здесь часто просиживал Ленин

вечерние зори подряд.

Спору нет, Ленин был усидчивым читателем. Но предпочитал для этих целей свой уютный кабинет в Кремле.

* * *

В это же время собственно в библиотеке подвизались личности весьма оригинальные. Один из сотрудников, Н. И. Ильин, писал: «В отделении рукописей прочно и бессменно сидел некий Г. П. Георгиевский, цепко державший в своих руках фактическую монополию на опубликование рукописных материалов из собраний музея. Подписанные его именем, не всегда грамотные публикации можно встретить в разных научных изданиях, журналах и сборниках на протяжении почти 40 лет. Георгиевский, как дракон, охранял доступ к неиспользованным рукописям музея от сторонних лиц. Большой знаток старинной церковной рукописи, он имел связи среди старообрядцев и оказывал им взаимные, конечно, услуги».

Вторил господину Ильину и библиограф М. К. Соколовский: «Во-первых, чиновничье мракобесие. Ему предлагают, например, рассмотреть лежащий в запечатанных ящиках архив коллекционера В. С. Арсеньева, а он отвечает, что пусть десять лет лежат дела в ящиках, и никому до этого дела нет. Во-вторых, крайне пристрастное отношение к занимавшимся. Кто в фаворе у него, тому все дозволяется. Кого он не жалует, тот должен часами ждать, пока гражданин Георгиевский соизволит прочесть тридцать писем какого-нибудь корреспондента. Никакой обязательности, никакой научной услуги. Вместо человека – какой-то архивный сухарь. Воображаю, какой нетерпимый, задорный тон принимает он теперь, когда в его рукописное отделение ходят работать молодые ученые, перед которыми он, конечно, разыгрывает роль архивного гранда и рукописного магната».

После революции библиотеку трясло, как, впрочем, и все государство. Кризис, надо заметить, начался еще в преддверии двадцатого столетия. Дарителей было довольно много, а пространство ограничено. В одном из отчетов было не без юмора отмечено: «Недалеко то время, когда всякое новое пожертвование будет для библиотеки не желанным даром, а тяжким бременем, ибо пожертвованным книгам придется за неимением помещения лежать в ящиках».

В 1913 году, когда все государство праздновало 300-летие Дома Романовых, музей чуть было не уничтожили. То есть, в прожестках все выглядело довольно благобно. Главный музей Первопрестольной было решено сделать еще более главным. Оборудовать там новые разделы, от искусств весьма далекие – этнографический, сельскохозяйственный, военный, морской, земский и тому подобные. Иными словами, представить русскую жизнь во всей красе и величии.

В проекте указывалось: «Национальный Музей должен стремиться представить общую картину русской природы и культуры в их наиболее важных моментах и типических формах, и его основная задача будет не столько в специальной разработке отдельных областей знания, сколько именно в этой органической всесторонности изображения».

К счастью, этот «замечательный» проект реализован не был. Во-первых, потому, что за музей вступилась московская интеллигенция, во-вторых, просто из-за того, что руки не дошли. Музей всего лишь продолжал стонать от поступления новых экспонатов.

С 1918 года этот процесс усугубился. Многочисленные ценности, отнятые у «бывших», спешным образом распределялись по музеям и библиотекам. Доставалось и «Румянцевке». Народный комиссариат просвещения решил – оставить во дворце только библиотеку. Но на этом трудности не закончились – ведь посетителей стало гораздо больше: «В библиотеку пришел новый читатель, – рабочий, крестьянин, служащий – который страстно жаждал знаний. А библиотека, привыкшая к размеренной, монотонной жизни прошлых столетий, не успевала за жизнью. Еще не был введен контроль за выдачей книг. Были случаи, когда библиотекари

не могли ответить читателю, занята ли книга в этот момент или вообще ее нет в хранилище. Некому было обрабатывать новые поступления. Тогда и были созданы специализированные отделы – комплектования книжных фондов, обслуживания читателей, хранения, библиографический отдел».

Пашков дом как мог приспособлялся к новой жизни.

* * *

Неудивительно, что этот славный дом вошел в литературу. В первую очередь, в булгаковский роман «Мастер и Маргарита». Именно здесь его герои – выходцы, как говорится, с того света – прощались с Москвой: «На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетий назад, находились двое: Воланд и Азазелло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев...

Воланд заговорил:

– Какой интересный город, не правда ли?

Азазелло шевельнулся и ответил почтительно:

– Мессир, мне больше нравится Рим!

– Да, это дело вкуса, – ответил Воланд».

У Булгакова вкус был. А потому неудивительно, что он устроил ритуал прощания именно здесь.

* * *

Нынче «Ленинская библиотека» переименована – называется она Российской государственной библиотекой и располагается рядышком с домом Пашкова, в здании, построенном для нее уже при советской власти.

Однако же многие горожане до сих пор зовут ее не «РГБ», а «Ленинкой». Так на Моховой улице в стоящих рядом зданиях увековечены два человека, жившие во времена, далекие от наших: Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Петр Егорович Пашков.

ПУШКИН ВОЛХОНСКИЙ

Доходный дом (Волхонка, 9) построен в 1880 году по проекту архитектора А. Никифорова.

Этот дом вошел в историю. Здесь снимали квартиры художники Илья Остроухов и Валентин Серов, актеры Александр Южин и Александр Ленский, а также Иван Яковлев, известный как создатель чувашской письменности.

Но главное даже не это. А то, что раньше здесь располагался домик, в котором проживал художник Василий Тропинин. Именно здесь он написал, пожалуй, самый известный портрет Пушкина.

Василий Андреевич не был человеком богемным. Мастерская его, по воспоминаниям, не бросалась в глаза «ни цветистостью занавесей, ни щеголеватым камином, ни мягкой мебелью, ни оправленными в серебро раковинами для сигарочного пепла...» Господствовали в ней тишина и простота, а единственной роскошью являлись произведения самого Тропинина, повешенные без рам на стенах. А чему удивляться, ведь художник 47 лет был крепостным, и неоткуда было взяться у него богемным замашкам. Зато с уважением к труду все обстояло замечательно.

Именно сюда к Тропинину незадолго до гибели, в 1827 году, приезжал Пушкин – чтобы позировать для портрета (и, кстати, заплатить весьма приличный гонорар – 350 рублей). Бог весть, почему он выбрал именно Тропинина. Возможно, именно из-за отсутствия псевдоаристократических замашек, от которых Александр Сергеевич наверняка успел устать в своем привычном обществе.

Поговаривают, что Тропинин, будучи масоном, увидел на мизинце Пушкина длиннющий и холеный ноготь. Среди масонов это что-то означало, и Тропинин, дабы показать, что понял все значение пушкинского мизинца, сделал некий тайный знак. На что поэт всего лишь погрозил ему пальцем.

Так это или нет – доподлинно никто не знает. В любом случае, портрет вышел на славу. О нем даже написал «Московский телеграф»: «Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображен в три четверти, в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительное».

Сразу после смерти Пушкина портрет украли. Друг поэта Сергей Соболевский об этом писал: «Портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной раме.

Уезжая за границу, я оставил этот портрет одному приятелю, имевшему собственный дом.

Приятель давал его крепостному чьему-то маляру (не знаю имени маляра или имени его хозяина) для добывания копиями барышей... По возвращении моем из-за границы (где я провел 5 лет) оказалось:

1) Что приятель дом продал, а портрет и библиотеку... передал другому приятелю...

2) Но тут очутилось, что в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с ононого, которую я бросил в окно.

О том, кто дал зевака, Киреевский или Шевырев (те самые два приятеля – А.М.) – следы простыли.

Между тем подлинник нашелся у к. Оболенского, который купил его за 50 рублей у Бардина, известного плута и мошенника. Осталась у меня только уменьшенная копия, сделанная для меня Авдотьей Петровной Елагиною, для того, чтобы иметь возможность возить оную с собою за границей».

Портрет нашли только в 1850-х годах. Старенький Тропинин выбрался из мастерской, чтобы полюбоваться на находку: «И тут-то я в первый раз увидел собственной моей кисти портрет Пушкина после пропажи, и увидел его не без сильного волнения в разных отношениях: он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим нашим поэтом, напомнил мне мое молодое время, а между тем я чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, валяясь где-нибудь в сыром чулане или сарае. Князь Оболенский просил меня подновить его, но я не согласился на это, говоря, что не смею трогать черты, положенные с натуры и притом молодою рукою, а если-де вам угодно, я его вычищу, и вычистил».

В наши дни портрет находится в музее Пушкина в Санкт-Петербурге. А на домике Тропинина – мемориальная доска.

* * *

Рядышком – еще одно довольно любопытное строение. Этот уютный двухэтажный домик с маленьким балкончиком построен был в 1811 году для полковника Н. Воейкова. От него сохранился герб с вензелем «W». Сохранился чудом – мало того, что устоял в 1878 году, когда, уже при новых владельцах, полностью поменяли фасадную часть, так еще и пережил весь советский период.

Кстати, здесь проживал знаменитый Сергей Трубецкой – один из предводителей декабрьского восстания, так и не явившийся на Сенатскую площадь. То ли предатель, то ли мудрый человек, вовремя просчитавший всю бессмысленность этого акта. Так или иначе, к смерти Трубецкого не приговорили, но на каторгу отправили. Освободился он лишь в возрасте 66 лет и поселился в Москве, на улице Остоженке.

Зато его жена вошла в историю в безукоризненном виде – она была в числе тех декабристских жен, которые отправились в Сибирь вслед за своими сосланными сужеными.

* * *

Кстати, существует убедительная версия по поводу того, где жил Тропинин. В соответствии с ней он писал знаменитый портрет именно в этом домике, на втором этаже.

Музейщик

Здание музея изящных искусств (Волхонка, 12) построено в 1912 году по проекту архитектора Р. Клейна.

Государственный музей изобразительных искусств – одно из популярных мест в среде любителей прекрасного. Они приходят сюда на очередную выставку и с одухотворенным видом приобщаются к искусству.

Менее эффектно выглядят туристы. Они заходят не на выставку, а на основную экспозицию и, в выражении своих чувств, могут щелкнуть пальцами или прицокнуть языком. Любитель сменных выставок себе такого не позволит.

Однако же и те, и эти посетители первоначально не брались в расчет. Иван Владимирович Цветаев, отец великой русской поэтессы, университетский профессор и основатель этого музея, старался вовсе не для них, а исключительно для небогатых студентов, которым не на что было поехать за рубеж знакомиться с античностью.

* * *

Детство Ивана Цветаева было не слишком счастливым. Родился он в 1847 году в селе Дроздово Шуйского уезда Владимирской губернии. Что в те времена, что сейчас – захолустье немислимое. В семье все время не хватало денег, отец – сельский священник – сам занимался домашним хозяйством, выращивал на огороде нехитрые овощи. Денег постоянно не хватало, жили впроголодь, а одевались как придется.

Мать умерла очень рано, и на руках у батюшки осталось четверо сыновей. Приходилось в одиночку поднимать их, выполнять одновременно и «мужскую», и «женскую» части домашней работы – о том, чтобы нанять прислугу, мечтать не приходилось. Детям не хватало родительского внимания, ласки.

Когда Ваня подросток, его отдали в Шуйское духовное училище. Но и там не было никакого намека на роскошь. По воспоминаниям одного выпускника мальчишки «ютились в задних избах или на кухнях мещан и причетников уездных городов, окруженные невероятной нищетой, не зная кроватей, они спали на полу вповалку, на лавках или на полотах без малейшего признака постельного белья... Еда была скудная, ели деревянными ложками из деревянной общей миски, в первом классе учились 60—70 человек».

После училища – Владимирская семинария. Мальчик рос пытливым, любознательным, способным. Хорошо успевал по риторике, богословию и философии. И как очарованный бродил по улицам Владимира – наслаждался видами города, Золотыми воротами, Успенским собором, классическим зданием Присутственных мест.

Но больше всего юного семинариста привлекал так называемый Владимирский музей. Основанный сравнительно недавно, в 1854 году, ютящийся в одном из классов губернской гимназии, он магнитом притягивал Ваню. Мальчик ходил от одного экспоната к другому, от древней помятой братины к черепу зайчика, подстреленного во владимирских лесах (экспозиция, увы, была довольно скромная), и ощущал неописуемый, немислимый восторг.

После семинарии – классическое отделение Санкт-Петербургского университета, и то, что к нему прилагается, – Кунсткамера, Эрмитаж, божественные скульптуры Летнего сада – тоже своего рода музея под открытым небом... А профессора рассказывают, что в Европе всего этого гораздо больше! Нужно обязательно попасть в эту Европу!

Университет Иван Владимирович оканчивает с золотой медалью. И в 1874 году он отправляется в свое первое заграничное путешествие.

Два года непрерывного счастья. Молодой ученый ходит по улочкам древних городов, музеям, скульптурным галереям и никак не может насмотреться на античные шедевры. Европейская классика пленяет его, завораживает, не дает думать ни о чем более.

«Пойдешь из дому на древний Форум, но вместо него попадешь к Пантеону и останешься здесь, пока не налюбуешься вдоволь этим колоссальным зданием... После, забыв о Форуме, мало-помалу забредешь на окраину города, куда-нибудь к Иоанну Латеранскому, или в улицы за Тибром к св. Петру, или за Porta S. Sebastiano к памятнику Цецилии Метеллы и остаткам других древних гробниц, если только не задержат вас колоссальные руины терм Каракаллы, или не заплутаешь где-нибудь на пустынном Авентине».

И у Ивана Владимировича появляется замысел – открыть нечто подобное в России. Ну, например, в Москве.

Цветаев тогда уже знал, что еще в двадцатые годы девятнадцатого века в знаменитом салоне Зинаиды Волконской возникла идея – организовать при Московском университете так называемый «Эстетический музей». Да только на затею денег не хватило. К тому же декабрьские события 1825 года сильно подорвали общественную жизнь страны.

Но почему бы не вернуться к этому проекту?

Однако же это дело далекого будущего. Цветаев делает научную карьеру: защищает докторскую диссертацию и получает приглашение в Московский университет преподавать латынь.

Федор Корш, филолог и преподаватель университета, пишет Ивану Владимировичу:

«Вы были бы тем более желательным сподвижником, что вы знаете хорошо именно ту отрасль латинской филологии, в которой мы... слабоваты – историю латинского языка. Вы явились бы к нам во всеоружии современной науки».

Цветаев принимает приглашение. Тем более университет в качестве бонуса предложил молодому профессору самое желанное – многочисленные научные командировки в страны Западной Европы.

* * *

Но потихоньку господин Цветаев подступает к созданию музея. Ходит по меценатам, выпрашивает пожертвования. Те, кстати, отнюдь не стремятся отдать свои деньги. Иван Владимирович сетует: «Отказал Лев Готье, очень богатый торговец в Москве железом... Отказал Василий Алексеевич Хлудов, человек огромного состояния и питомец Московского университета. Отказали Савва и Сергей Тимофеевичи Морозовы. Отказали Морозовы-Викуловичи... Отказала Варвара Алексеевна Морозова, пославши к своим детям. Отказали ее богатые сыновья Арсений и Иван Абрамовичи... Одни отказываются по грубости вкуса, другие по скупости, третьи, имея иные области благотворения».

Тем не менее Цветаев не сдаётся. Он продолжает просиживать время в приемных, кабинетах и гостиных московских «денежных мешков», отнюдь не украшая, к слову, эти гостиные. Философ Василий Васильевич Розанов так описывал цветаевскую внешность: «Малоречистый, с тягучим медленным словом, к тому же не всегда внятным, сильно сутуловатый, неповоротливый, Иван Владимирович Цветаев, или – как звали его студенты – Johannes Zwetajeff, казалось, олицетворял собою русскую пассивность: русскую медленность, русскую неподвижность. Он вечно „тащился“ и никогда не „шел“. „Этот мешок можно унести или перевезти, но он сам никуда не пойдет и никуда не уедет“. Так думалось, глядя на его одутловатое, с небольшой русой бородкой лицо, на всю фигуру его „мешочком“ и всю эту беспримерную тусклость, серость и неясность».

Не было в нем, что называется, харизмы. Приходилось убеждать словами, логикой, а брать упорством.

Иван Владимирович то и дело записывал: «Сегодня был у Толстопятова и говорил, нельзя ли расположить Е. А. Баранову с детьми принять участие в деле сооружения Музея

встройкою залы их имени. Он обещал позондировать почву и высказал надежду на успех. Ныне же был у И. А. Колесникова, директора Никольской мануфактуры М. Ф. Морозовой с сыновьями. Шел разговор о средствах расположить в пользу дела М. Ф. Морозову. Тем временем вошел ее старший сын Савва Морозов, которого также втянули в эту беседу и стали просить принять на себя ходатайство перед матерью о сооружении в Музее зала имени Морозовых. Сын охотно согласился повести эти переговоры, но не поручился за их успех. При этой беседе присутствовал также и А. А. Назаров, директор правления Товарищества, уже ранее заявивший свои симпатии нашему Музею принесением в дар ему бронзовых копий бюстов и статуэток Неаполитанского музея».

Ох и тяжело же с этими дарителями-меценатами! За копейку удавятся. Иван Владимирович и так с ними, и этак – а толстосумы ни в какую. Зато щедрые обеды, ужины – пожалуйста.

Но Цветаев не сдавался. Скромный и сдержанный кабинетный ученый постепенно становится психологом, специалистом по добыче денег. Он с азартом обучается новому делу и... делает успехи. Прежде чем нанести визит, все разузнает о семье, о состоянии дел, о склонностях своей очередной жертвы. Явится, например, к какой-нибудь купеческой вдове в Замоскворечье и ведет за чашкой чая свой хитрый разговор. Дескать, подумайте, кому вы деньги оставляете по завещанию? Племяннику? Да он же промотает все. «Ой, промотает, ой, промотает, подлец», – принимается купчиха за свою излюбленную тему. «А какими трудами, лишениями и ночами бессонными нажил ваш муж состояние», – дожимает купчиху Цветаев. И покидает гостиную с чеком на круглую сумму.

С каждым месяцем все чаще Иван Владимирович удовлетворенно потирает руки, и скрупулезно забрасывает новые крючки: «Занес три визитных карточки и печатную Записку о Музее... Полякову, которого письмом к нему в Париж я просил об устройстве зал: одной имени их рода, другой – имени умершего сына Аарона Полякова, любившего искусство. Удочка закинута – попадет ли золотая рыбка в виде хотя бы одного зала? Завтра иду к ним вечером пить чай... и осматриваю крючок – не съеден ли червяк... или не повис ли на нем банкир».

Ради своего музея Цветаев готов был даже преступить закон. Марина Цветаева писала: «Отец из Германии привез от себя музею – очередной подарок: машинку для стрижки газона. – „А таможен не платил, ни-ни. Упаковал ее в ящичек, сверху заложил книжками и поставил в ноги. – А это что у вас здесь? – Это? – Греческие книжки. – Ну, видят – профессор, человек пожилой, одет скромно, врать не будет. Что такому и возить, как не греческие книжки! Не парфюмерию же. Так и провез без пошлины. Помилуйте! Да на пошлину вторую такую стрижку купить можно“».

Иван Владимирович заручился поддержкой великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы. И даже самого царя. Не в последнюю очередь из-за того, что название музею было выбрано такое: «Музей изящных искусств имени императора Александра Третьего». Под такой музей был выделен прекраснейший участок в самом центре города, рядом с храмом Христа Спасителя.

Правда, название отпугнуло многих потенциальных меценатов – к примеру, «либерала» Козьму Солдатенкова. Однако же позволило заручиться поддержкой императорской семьи – и нового государя Николая II, и московского губернатора великого князя Сергея Александровича.

Купцов же хватало и без Солдатенкова.

Главным жертвователем стал один из богатейших русских предпринимателей Юрий Степанович Нечаев-Мальцев. Он после первой же просьбы выдал 300 тысяч рублей и в дальнейшем помогал весьма приличными пожертвованиями.

Но и к нему пришлось искать «подходец». После каждого «делового завтрака» официант приносил Юрию Степановичу счет, а Иван Владимирович в тот же момент клал рядом свой –

за стройматериалы, за рабочих, за создание копий. И Юрий Степанович привычным жестом подмахивал оба документа.

Если же начать выпрашивать у него деньги – торговался за последнюю дверную ручку. А так срабатывал купеческий рефлекс – по счетам следует платить.

* * *

В декабре 1905 года случилась беда – в отсутствие Цветаева сгорела часть еще недостроенного музея. Здание оказывается под угрозой консервации и передачи в ведение Министерства просвещения. Архитектор Роман Клейн приходит к нерадостному выводу: «Иного выхода нет, как постепенная ликвидация дела постройки Музея... Одно сознание, что после нашего общего десятилетнего труда по созиданию этой постройки мы будем видеть теперь постепенное разрушение ее; сознание это приводит меня в полное уныние, но другого выхода из настоящего положения я не усматриваю».

Для Клейна это повод для уныния, для Цветаева – крушение мечты всей его жизни. Увы, организм не выдерживает. Иван Владимирович пишет: «Когда я переехал в Тарусу к моему двоюродному брату... через полчаса по приезде случился со мной обморок, с повреждением речи и формы рта. Меня донесли до кабинета хозяина, где я до сих пор и лежу, не подымая головы, обложенный компрессами».

Казалось бы, история закончена. Денег нет, Цветаев поражен инсультом, Нечаев-Мальцев тоже очень скверно себя чувствует – практически стоит одной ногой в могиле, а господин Клейн предается унынию.

Но Иван Владимирович, частично парализованный, с невнятной речью, Иван Владимирович, которому врач запрещает резко переворачиваться с одного бока на другой и поднимать голову над подушкой, диктует письмо Клейну, в котором чуть ли не с юмором рассказывает о своих неурядицах со здоровьем и интересуется, как там разрешаются с Нечаевым-Мальцевым денежные вопросы по музею.

И происходит настоящее чудо. Внутренней силы Цветаева хватает не только на то, чтобы вытащить себя из неизлечимой болезни, но и поднять дух Нечаева-Мальцева. Столкнувшись с таким неутомимым проявлением энтузиазма, он почувствовал себя несколько лучше. И более того, нашел деньги на музей.

Проходит всего-навсего полтора месяца после цветаевского приступа, а больной уже диктует письмо Клейну:

«Если удастся комбинация с топливом, то экономия куда пойдет у вас? Так как у вас нет никаких долгов, всякие долги уплачены, то не обратите ли Вы эти 3000 руб. на пол в Олимпии и Пергамском зале, а то так на Библиотеку, т.е. на ее шкаф колоссальных размеров по длине».

Иван Владимирович снова в строю, снова занимается «обходом» богачей: «Были мы ныне у Поляковых, только что возвратившихся из Италии... Под впечатлением Ватикана Поляков предложил мне для Музея все, что есть наиболее важного в скульптурах Рима. Но мне хочется получить от него на этот раз не гипсовые слепки, а стоимость Ассирийского зала в 20 000 рублей и 3000 р. на скульптуры Ассирии и древней Персии. Он пока упирается, отделяется шуточками на тему, что у него таких денег нет, но по тону видно, что дело состоится».

Здание, между тем, строится. Притом с размахом – одного лишь мрамора на интерьеры пошло 530 вагонов. Как и всякое большое начинание, строительство обросло легендами. Вот, например, подрядчик Губонин чем-то не потрафил Клейну. А тот вроде как молоток схватил – и начал разбивать колонны.

– Черт с тобой, колоти, а за мрамор, работу заплатишь, – промолвил подрядчик.

И правда, архитектор заплатил. Тотчас же вынул десять тысяч – и отдал Губонину.

* * *

В конце концов работы, длившиеся не одно десятилетие, успешно завершились, и 31 мая 1912 года написанной специально к тому случаю кантатой Иполлитова-Иванова началась церемония открытия. Она прошла, что называется, на уровне. Даже кинооператоры – в то время редкость величайшая – отсняли церемонию на пленку.

Марина Цветаева вспоминала: «Белое видение Музея на щедрой синеве неба... Белое видение лестницы, владычествующей над всем и всеми. У правого крыла – как страж – в нечеловеческий и даже не в божественный, а в героический рост – микельанджеловский Давид».

Художник Нестеров критиковал и здание музея, и архитектора Клейна: «...если у него нет таланта создать русский стиль как единственно возможный и желательный в русской Москве... то пусть он ограничится постройкой дач в Парголово для купцов из немцев, это и ему доходно будет, да и нам не обидно... Он и невинность соблюдет, и капитал приобретет».

Сам же господин Цветаев был удовлетворен и умиротворен. «Семейная жизнь мне не удалась, зато удалось служение родине», – сказал он по этому поводу.

Под неудавшейся семейной жизнью Иван Владимирович понимал и безвременную смерть обеих жен, и раннее и, как ему казалось, неудачное замужество дочерей, и неправильное (опять-таки, по его мнению) их воспитание. Но главное было достигнуто. Музей существовал.

Через год Иван Владимирович захворал. Писал: «Я тут болею... нанявши лошадей для переезда на железную дорогу, я в один момент, неожиданно, подвергся приступу грудной жабы, которая держала меня 24 часа. Сбежались местные врачи, лечили банками и каплями. Очень ослабел».

Спустя четыре месяца Цветаева не стало. Но умирал он счастливым – своему любимому отпрыску Иван Владимирович обеспечил будущее.

* * *

Музей остался. В нем бедные, не имеющие денег на поездки в Грецию и Рим, студенты изучали слепки с далекой античности. В нем простаивали перед славными шедеврами московские творцы – считалось, что они заряжаются таинственной энергией. Здесь же, среди аполонов, встречались влюбленные.

Но семнадцатый год наступил на Москву. И начался путь из изящных, изящнейших искусств – в изобразительные.

Странное дело – благородный музей стал агрессором. Одну за другой втягивал он в свои запасники коллекции дореволюционных богатеев. Словно раковая опухоль, стал он пожирать своих былых дарителей и жертвователей. Из милости же позволял остаться меценатам при собственных собраниях.

И Дмитрий Иванович Щукин служил при музее – смешно и подумать – лицом подчиненным, послушным хранителем.

А дочка основателя, Анастасия, работала здесь же – и тоже как будто из милости. «А в Музее, когда лопалось от мороза отопление, мы работали, укутанные, и я писала библиотечные карточки – в перчатках», – вспоминала она.

«Новые идеи» подняли на щит. «Со стены глядел голый мужичище густо кубовый, в красных пятнах, будто в аду его раки клещами щипали, а из пупа у него рос третий глаз большущий и рыжий», – писал Илья Эренбург.

Почему-то в музее пристроилась масонская ложа.

Название «изящных» стало настолько диссонировать со странным содержанием, что в 1932 году его сменили на «изобразительных».

К тому же это учреждение культуры, благодаря роскошным помещениям и близости к Кремлю, использовалось для непрофильных, но социально важных целей. Тут, к примеру, появлялся Ленин. Но не для того, чтоб помолчать, задуматься о чем-нибудь среди изваяний. Он приезжал смотреть на выставку проектов памятника «Освобожденный труд». Его намере-

вались ставить на месте памятника Александру III, имя которого до революции носил музей. Но ни один из проектов Ильичу не понравился.

– Пусть в этом разбирается Анатолий Васильевич, – бросил он с иронией Луначарскому.

Памятник «Освобожденный труд» так и не появился, а перед зданием музея поставили большую стелу в честь визита Ильича. Приблизительно на месте «микельанджеловского Давида», упомянутого Цветаевой.

Здесь же проходил конкурс проектов гигантского дворца Советов, который тоже не построили, зато глава страны, на сей раз Сталин, опять посещал сей жутковатый вернисаж.

В музее проводили совершенно неуместный здесь Второй международный шахматный турнир. И снова – как-то не по-настоящему. Маэстро Капабланка перед игрой с Лилиенталем познакомился с какой-то легкомысленной москвичкой и назначил ей свидание. Страстный кубинец, чтоб не опоздать на randevu, втихую предложил сопернику ничью, а тот настолько растерялся, что пришлось маэстро-ловеласу затратить уйму времени, чтоб партию не выиграть и слово все-таки сдержать.

Даже кражи в том музее стали крупнее и бестолковее. К примеру, некий Федорчук в 1927 году похитил пять картин Рембрандта с Тицианом, свернул бесценные шедевры в трубочку и закопал на пустыре. А спустя пять лет пришел с повинной. Преступник оказался нездоров. Врачи поставили диагноз: мания величия.

Был еще один веселенький перформанс: выставка подарков дорогому Сталину.

Но самая большая странность, связанная с тем музеем, – празднование... столетия дуэли, на которой застрелили Пушкина. В дни этого сомнительного торжества музеем, который, в общем-то, специализировался на иностранной живописи и скульптуре, дали имя Пушкина, который за границей-то ни разу не был.

Так в десяти минутах ходьбы друг от друга к полнейшему недоумению народа появилась пара пушкинских музеев. Один – мемориальный, а другой – изобразительных искусств. Впрочем, отношение поэта к мемориальному музею тоже сомнительно. Личных вещей русского гения там почти что нет, да и в здании том Александр Сергеевич не был ни разу.

* * *

21 апреля 1970 года во дворе музея установлен был памятник Ленину работы скульптора В. А. Рогайшиса. На памятнике красовалась надпись: «в этом музее В. И. Ленин посетил выставку проектов памятника „Освобожденный труд“ 1 мая 1920 года».

В то время считалось, что именно это событие – самое яркое в жизни музея.

Княжеская экспозиция

Здание гостиницы «Княжий двор» (Волхонка, 14) построено в 1892 году по проекту архитектора В. Загорского.

В гостинице «Княжий двор» в разное время останавливались Илья Репин, Василий Суриков, Максим Горький и Иван Бунин.

Поэт Максимилиан Волошин брал тут интервью у Сурикова. «2 января 1913. Сегодня началась работа с Суриковым. Номер в «Княжем дворе», жарко натопленный. Он сам среднего роста. Густые волосы с русой проседью подстрижены в скобку. Жесткие, коротко и слабо выщипанные в бороде и усах. Вид моложавый. Ему нельзя дать 65 лет. В наружности что-то простое, народное. Но не крестьянское. Закалка более крепкая и скован он круче, чем Григорий Петров, например, несмотря на волчьи брови того и легкие глаза этого... Я прошу его показать мне руку. Рука у него маленькая, тонкая, не худая, с очень красивыми пальцами, сужающимися к концам, но не острыми. Линии четкие, глубокие, цельные. Линия головы четкая и короткая. Меркуриальная глубока и удвоена и на продолжении головной образует звезду, одним из лучей которой является уклонение Аполлона в сторону Луны.

Кроме того, рука Сурикова выражает редкую непосредственность. Холм Венеры только у самой линии жизни прегражден несколькими отрывочными линиями, указывающими лишь на внешнее случайное замыкание перед людьми. Линия сердца главным руслом недалеко огибает Сатурна, но боковой и очень четкой линией узорно проходит через весь холм Юпитера и направляется к самому центру пальца, знаменуя сердце благосклонное и благородное».

Максимилиан Волошин увлекался хиромантией и оккультизмом.

А внучка художника Сурикова именно об этом отеле писала: «Внутри было мрачно, тихо, холодно. Широкие длинные коридоры... были всегда безлюдны, казалось, здесь никто не живет. А жили там в высоких и больших комнатах подолгу – годами. Среди жильцов было много знаменитостей: композитор Гречанинов, скульптор Опекушин, профессор Северцев. Был даже особый корпус, где останавливались проездом исключительно художники. Там, бывало, постоянно жил Репин».

Здесь, кстати, она позировала деду для картины «Посещение царевной женского монастыря»: «Он надевал на меня царевнин наряд, взятый напрокат в костюмерной Большого театра, – бармы, оплечье и кокошник. Я стояла, переступая с ноги на ногу, и терпеливо позировала. Бармы и кокошник были тяжелы, платье мне было велико, рукава волочились по полу».

Юный Илья Эренбург вселился сюда, когда его отец был снят с должности управляющего Хамовническим пивоваренным заводом. Квартира была больше не по средствам, пришлось перебраться в гостиничный номер.

Впрочем, Эренбург об этом не жалел, говорил, что хоть комната и была маленькой, а гостиничная жизнь ему нравилась – она дарила чувство свободы. Отец уходил с утра искать работу, а Илья после уроков водил к себе товарищей, коих убеждал, что живет здесь совершенно самостоятельно.

Однако же интересно будет узнать, в честь чего гостиница так названа. Дело в том, что еще в восемнадцатом столетии здесь располагалась громадная усадьба, принадлежащая князьям Голицыным. Ее главное здание можно увидеть из Малого Знаменского переулка.

* * *

Главное здание голицынской усадьбы было построено в 1761 году известным архитектором Саввой Чевакинским – мэтром, прославившим себя такими знаменитыми постройками,

как Николаевский морской собор и Шереметевский дворец (они, ясное дело, возводились не в Москве, а в стольном граде Петербурге).

Спустя тринадцать лет после постройки, все пришлось снова переделывать – Великая Екатерина решила сделать тут царскую резиденцию. Владельцы чести были только рады, и в скором времени здесь выстроили большой дворец из дерева – с коридорами, покоем, двухсветным тронным залом и прочими, необходимыми для царской жизни, атрибутами.

Разумеется, это стало событием. Господин Корберон, дипломат из Парижа, писал: «Нынешний дворец недавно устроен; это весьма искусное соединение деревянных и каменных домов, принадлежащих частным лицам; наружный вход украшен колоннами; за прихожей очень большая зала, за которою другая, тоже большая, в которой императрица принимает иностранных министров. Дальше следует еще более просторная зала, она тянется в длину всей постройки и состоит из двух комнат, разделенных посередине колоннами; в первой императрица играет, а вторая служит для танцев».

Увы, сама Екатерина проявляла недовольство. При этом претензии были довольно серьезными – сложная, нерациональная планировка (императрица иной раз подолгу бродила бесчисленными коридорами, отыскивая свою спальню или же кабинет). Кроме того, рядом находились царские конюшни (пусть и царские, но воздуха они не озонировали). Да и холодно было во дворце.

Холод, кстати, чуть не послужил причиной гибели двух секретарей Екатерины – Григория Теплова и Сергея Кузьмина. Видя, как они озябли, императрица отдала распоряжение – сварить секретарям кофе по своему рецепту. В результате несчастные чуть не скончались от сердечного приступа: кофе был до невозможного крепок, а то, что его нужно разбавлять в больших количествах свежими сливками, никто не догадался.

В скором времени екатерининская резиденция была разобрана. Британский гость Уильям Кокс писал об этом: «здание, сооруженное с быстротой молнии, оказалось столь красиво и удобно, что материал, из которого оно сооружено, был употреблен впоследствии на постройку императорского загородного дворца, стоящего на небольшой возвышенности в окрестностях города».

* * *

Впрочем, и дальнейшая история голицынских владений была довольно любопытной. В начале прошлого столетия тут, в домовый церкви, решил венчаться Пушкин. Но митрополиту это почему-то не понравилось, и он велел венчаться в недостроенной в то время церкви Большое Вознесение.

Домом в те времена владел Сергей Михайлович Голицын. Его послужной список впечатляет. Князь – вице-президент Московского попечительного комитета о тюрьмах, председатель Московского опекунского совета, попечитель Московского учебного округа, вице-президент Комиссии для сооружения в Москве храма во имя Христа Спасителя, главный директор Павловской больницы, председатель московского отделения Главного совета женских учебных заведений, действительный тайный советник, кавалер множества орденов.

Только вот личная жизнь Голицына не задалась. В молодости Сергей Михайлович женился на Авдотье Ивановне Измайловой. Причиной брака было самовольство Павла I – император, только-только заступивший на престол, решил содействовать крепости русского дворянства и породнил два весьма знатных на то время рода. Его не остановило, что молодые питали друг к другу одно только чувство, а именно – равнодушие.

В одном доме молодые провели один лишь месяц – больше не выдержали и разъехались. У них не совпадало абсолютно все – черты характера, привычки, взгляды, даже режим дня. Сергей Михайлович, усердно делающий государственную и вполне серьезную карьеру, вставал

рано, образ жизни вел трезвый и сдержанный и рано же ложился спать. А для его супруги вечером лишь начиналось все самое интересное – карнавалы, балы, маскарады.

Авдотья Ивановна, кстати сказать, проявила себя как порядочная и при этом здравомыслящая женщина. Прекрасно сознавая всю бессмысленность этого брака и, кроме того, увлекшись менее серьезным и занудным князем Михаилом Долгоруким, она предложила своему супругу дать развод. Но он перепугался – вдруг подобное пятно на биографии замедлит или как-нибудь иначе повредит его карьере – и отказал. Авдотья зажила соломенной вдовой.

Правда, она при этом не скучала, а вела тот образ жизни, который ей был близок с юных лет. Масла в огонь подлила какая-то цыганка – она нагадала Авдотье Ивановне, что та скончается ночью, во сне.

Глупость, конечно, несусветная – ведь большинство людей именно так и умирает. Однако ж вдова охотно уцепилась за такое предсказание – с этого момента она «на законном основании» спала днем, а потом пиновала всю ночь напролет. За что и получила достаточно звучное прозвище в свете – «принцесса Ноктюрн» или, по-русски, «ночная княгиня».

А со временем и сам Сергей Михайлович влюбился в чернооую красавицу и интеллектуалку Александру Россет.

Не открывая имени предмета своей страсти, Сергей Михайлович явился к «суженой» и стал просить развод. Но получил то, что дал сам в свое время – отказ.

Сергей Михайлович был человек иного склада. Для него жить во грехе, да при живой супруге, было делом немислимым. Плюс, опять же, карьера – как можно ставить под удар то, что с самого юношества составляло для Голицына стиль жизни? И он принялся срывать на просителях и подчиненных. Его бессмысленная и непримиримая жестокость прославилась на всю страну.

Существует множество свидетельств истинно нечеловеческого поведения хозяина. Так, литератор Михаил Погодин писал в своем дневнике: «Невежа и думает исправлять просвещение. Больно смотреть».

Александр Герцен был особенно язвительен: «Голицын... удивительный человек; он долго не мог привыкнуть к тому беспорядку, что когда профессор болен, то и лекции нет, он думал, что следующий по очереди должен был его заменять, так что отцу Терновскому пришлось бы иной раз читать в клинике о женских болезнях, а акушеру Рихтеру толковать бессеменное зачатие».

Правда, у Александра Ивановича были к Голицыну личные счеты – в 1834 году он возглавлял следственную комиссию по делу Огарева, Герцена и других молодых «якобинцев».

Оно называлось непросто: «Дело о лицах, певших пасквильные песни». И приговор Голицын вынес строгий, потому как вольнодумства не терпел. Ссылка под надзор начальства в дальние губернии.

Один из обвиняемых просил отсрочки, мотивируя тем, что его жена беременна.

– В этом я не виноват, – сухо сказал Сергей Михайлович.

«Этот юродивый вельможа, аристократ, да притом с славой доброго человека... не постыдился этой подлой шутки», – возмущался Герцен.

Он, конечно, не задумался о том, как тяжело было услышать о чужой беременной жене вельможе, обреченному на одиночество.

* * *

Иные достопримечательности города Москвы бессмертны. Казалось бы, какой-нибудь из славных городских объектов гибнет, и при этом навсегда. Рана затягивается, на его месте возникает что-то новое и, в свою очередь, становится привычным. Однако старое не умерло, оно сидит и ждет своего часа где-то под асфальтом. А в удачный момент возрождается. И в основном без излишнего пафоса (как, например, возрождались храм Христа Спасителя

и Воскресенские ворота с Иверской часовней), а тихонечко, исподволь, чтобы никто о том не догадался.

Был, например, в далекой древности между Тверской и Большой Дмитровкой маленький переулок. Располагался он чуть выше, чем Столешников, между нынешним сквером с памятником Долгорукому и книжным магазином, носил гордое название Квасной (там квасили и продавали этот незатейливый напиток). Со временем переулок сплошь застроили какими-то малюсенькими, неказистыми домами. А в середине двадцатого века его вновь прорубили. Правда, название ему никакое не дали, а квасом там и не пахнет. Однако развивается Москва стремительно, непредсказуемо. Кто знает, что будет завтра?

Нечто подобное случилось и с музеем личных коллекций на Волхонке, который в 1988 году открылся в доме 14. Здесь в середине восемнадцатого века находился музей приблизительно того же профиля. И представлял он из себя одну лишь личную коллекцию, зато роскошную. Древняя итальянская бронза, античная скульптура, картины Караваджо, Веронезе и Корреджо, предметы японской и китайской роскоши – чего здесь только не было.

Собрал ее Михаил Александрович Голицын – племянник бездетного Сергея Михайловича – будучи российским дипломатом, и притом не бедным человеком, он имел возможность скупать всевозможные шедевры в разных европейских странах.

Однако же Голицыну хотелось большего. Один из современников писал: «Враг всякого узкого самодовольства, он, перед кончиной своей, возымел мысль: собранные им сокровища, служащие образованию ума и изящного вкуса, предоставить в общее пользование своим соотечественникам. Он завещал своему наследнику учредить в родном его городе Москве Публичный Музей».

Наследник не посмел ослушаться, и в январе 1865 года музей был открыт. Каждый желающий мог приходиться сюда по понедельникам, средам и пятницам и с двенадцати до четырех часов дня наслаждаться шедеврами. В первом зале были выставлены и, конечно, вывешены итальянцы (скульптура, живопись, античная бронза). Во втором – французы. Далее – немцы, голландцы, фламандцы. И под конец – всевозможные ценные бытовые предметы – вазы, часы, гобелены. Эта и прочая утварь была свезена отовсюду – от Португалии и до Японии.

Открыт был доступ и в библиотеку, делающую упор на всевозможные типографические редкости (например, издания самого Иоганна Гуттенберга, первого книгопечатника Европы, не говоря уж о продукции родного нашего Ивана Федорова). Один из современников, В. А. Муханов, вспоминал: «У князя были благородные вкусы, он любил картины, статуи, старинную мебель, но особенно страстью была у него любовь к книгам. Когда библиоман наш приобретал какую-нибудь маленькую книжку, с виду незначительную, но в его глазах ценную, он становился вполне счастлив и даже плакал от радости. Книжку эту (последнее приобретение) клал он себе в карман, от времени до времени вынимал ее оттуда, рассматривал с какою-то нежностью и вскоре прятал от тех, кто не в состоянии был оценить это сокровище».

Один из участников создания музея, К. М. Гинцберг, оценивал голицынское собрание книг весьма высоко: «Библиотека князя Голицына вполне заслуживает название классической... Она содержит в себе превосходное собрание сочинений из области богословия, юриспруденции, положительных наук и изящных искусств, истории и географии, преимущественно же сочинения классической литературы Греции, Рима, Франции, равно как и лучших классиков Англии и Италии, в отличных и редких изданиях... Но что делает эту библиотеку одним из украшений Москвы, – это драгоценное собрание типографических редкостей».

Словом, коллекция Голицына и вправду принесла немало пользы любопытствующим москвичам.

Однако же наследник, хотя и по молодости не посмел ослушаться последней воли своего отца, однако слишком увлечен музеем не был (им, кстати, занимался личный врач Голицыных

Карл Гинцбург). И, когда у Голицына-младшего возникли серьезные финансовые затруднения, он коллекцию папаши просто продал (покупателем выступил Императорский Эрмитаж).

* * *

В те времена в усадьбе уже проживали квартиранты – что поделывать, деньги-то нужны. В частности, Александр Островский вспоминал, что смотритель дома прежде чем сдать квартиру, всерьез говорил о необходимости сбора справок о нравственных качествах будущего жильца. «Можно сообщить ему некоторые из моих достоинств, не крупных (чтоб не поразить), например, что я не пьяница, не буян, не заведу азартной игры или танцкласса в квартире и прочее в этом роде».

Ирония иронией, однако же Островскому с квартирой повезло. Родной брат поздравлял его: «Милый Саша, надо иметь особенное счастье, чтобы за тысячу рублей нанять такую квартиру: она, по крайней мере, полторы (если не все две) стоит. Квартира удовлетворяет самым изысканным требованиям и для вас более удобно, чем я предполагал, не видя ее».

«Милый Саша», разумеется, не возражал. Тем более, он еще раньше пошучивал на эту тему. Когда друзья ему советовали побыстрее продать свой сырой, холодный, полуразвалившийся дом рядом с Яузой и снять нормальную, комфортную квартиру, он, по обыкновению, отвечал: «Нет, я привык. Где найду я такие удобства? Никуда я не перееду, разве мне предложат жить в кабинете князя Сергея Михайловича Голицына».

В точности так оно и вышло. В состав квартиры, нанятой Островским, княжеский кабинет входил. И именно в нем написал он «Таланты и поклонники» и «Бесприданницу».

Островский прожил здесь десять лет, после чего получил назначение начальником репертуарной части московских императорских театров. К этой должности прилагалась квартира – тратиться на наемное жилище больше не имело смысла.

Больно было выезжать отсюда – так драматург и его близкие сроднились с бывшим обиталищем князя Голицына. Даже секретарь Островского, господин Кропачев, зайдя сюда в день переезда, огорчился: «Я с подавляющим беспокойством посмотрел на ее пустынные покои: площади полов будто расширились, а стены отодвинулись. В обширных комнатах отдавало невнятным эхом от где-то разговаривавших сливавшихся мужских и женских голосов. Пути тоже как бы расширились, и я знакомо мне дорожкой и в последний раз пробрался в пустой, когда-то уютный кабинет. Жутко мне стало при входе в него. Куда исчезла украшавшая его роскошная библиотека русских и иностранных, преимущественно драматических, писателей? Куда скрылись портреты и карточки разных литературных знаменитостей и артистов, да и вообще вся роскошная обстановка его? Остались одни голые стены, отталкивающая глубь и безотрадный простор... Чем-то зловещим пахло на меня... И я на мгновение обомлел».

Сам же Александр Николаевич сидел в том кабинете до последнего:

« – Ах, amicus!

А вот и он, мой дорогой принципал! Это он окликнул меня. Я тотчас же очнулся.

Он сидел на прежнем месте за своим обнаженным дочиста рабочим столом, молчаливым свидетелем его дум, еще неубранным, вероятно потому, что жаль было расстаться с ним до самой последней минуты своего выхода из брошенного кабинета».

Увы, переезд не пошел Островскому на пользу. Спустя несколько месяцев писатель умер.

* * *

В то же время в доме проживало еще несколько знаменитостей. Например, профессор зоологии С. Усов. Один из современников писал, что «в его кабинете можно было встретить художников, ученых, историков, археологов, людей разных возрастов и разных научных направлений».

Там же квартировал юрист, историк и философ Б. Чичерин. Личность легендарная и противоречивая, запечатленная Герценом в «Былом и думах»: «Мы его ждали с нетерпением; некогда один из любимых учеников Грановского, друг Корша и Кетчера, он для нас представлял близкого человека. Слышали мы о его жесткости, о консерваторских веллеитетах, о безмерном самолюбии и доктринаризме, но он еще был молод... Много угловатого обтачивается течением времени.

– Я долго думал, ехать мне к вам или нет. К вам теперь так много ездит русских, что, право, надобно иметь больше храбрости не быть у вас, чем быть... Я же, как вы знаете, вполне уважая вас, далеко не во всем согласен с вами.

Вот с чего начал Чичерин.

Он подходил не просто, не юно, у него были камни за пазухой; свет его глаз был холоден, в тембре голоса был вызов и страшная, отталкивающая самоуверенность. С первых слов я почувствовал, что это не противник, а враг, но подавил физиологический сторожевой окрик, – и мы разговорились».

К Чичерину запросто заезжал Дмитрий Менделеев – Чичерин всерьез увлекался химией.

Здесь же проживал славянофил Иван Сергеевич Аксаков. Он тоже был хозяином радушным. Один его знакомый, А. Молчанов, вспоминал: «Сразу, еще в передней, увидев фигуру И.С., начинаешь, бывало, чувствовать себя светло, свободно и приятно. Так же светло, тепло и свободно чувствовалось в самой гостиной, где собиралось много хороших и интересных гостей».

А с 1894 по 1898 год тут располагалась Московская консерватория. «Консерватория тогда временно находилась в здании против храма Христа Спасителя, и мои первые воспоминания связаны с этим живописным местом, откуда был виден и Кремль, и Москва-река, – писал композитор Р. Глиэр. – Много маленьких переулочков было расположено вокруг тогдашней консерватории, и ученики ее селились поближе, чтобы не терять времени на ходьбу. Здесь, на Волхонке я держал вступительный экзамен».

Очевидно, не один Островский мечтал жить в голицынском дворце.

* * *

В 1908 году в доме открылась выставка Союза русских художников. Это событие стало сенсацией. Залы, как писала газета «Речь», совершенно были переполнены. Писатели, артисты, музыканты, ученые, меценаты, светские красавицы, завсегда таи, не то что смотреть, а и повернуться толком невозможно! У картин, которые обозначались как выдающиеся, выстраивались очереди.

Это была крупнейшая из экспозиций, организованных Союзом. А ведь в него входили не последние мастера кисти – Бакст, Бенуа, Добужинский, Коровин, Суриков, Сомов, Малютин и прочая, прочая, прочая.

Затем здесь разместился Народный университет Шанявского (о нем в подробностях написано в книге «Арбат» серии «Прогулки по старой Москве»).

Вскоре университет переместился в новенькое здание на Миусах – здесь же обосновались так называемые Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы, обучение длилось целых четыре года. Почти как в университете.

* * *

Кстати, во времена Екатерины Голицынский дворец был, так сказать, единым комплексом с соседним зданием – дворцом Лопухиных. Еще когда шло строительство дворца для матушки Екатерины, его соединили с лопухинским специальным переходом – поскольку там жила мать знаменитого князя Потемкина, фактически, мужа царицы.

Занятно, что до этого дворянская усадьба использовалась как фабричный цех – после того, как Лопухин попал в опалу, его жилище было конфисковано властями и сдано в аренду фабриканту-иностранцу, господину Тамесу. Который, собственно, и развернул тут производство полотна. Один из современников писал, что он «никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет 150 ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские и производят все, чего только можно требовать от полотняной фабрики».

* * *

Следующая усадьба неприглядна и мрачна. Она тоже была собственностью Голицыных, однако в 1790 году усадьбу приобрело семейство Вяземских. Их сын, Петр Андреевич (кстати, друг Пушкина), писал: «Родительский дом не отличался ни внешней пышностью, ни лакомыми пиршествами... князь Лобанов говорил мне долго по кончине отца моего: „...Уж, конечно, не роскошью зазывал он всю Москву, должно признаться, что кормил он нас за ужином довольно плохо, а когда хотел похвастаться искусством повара своего, то бывало еще хуже“».

Скорее всего, гостей привлекал Николай Карамзин, который в самом начале прошлого столетия женился на сестре Петра Андреевича. Об этой девушке остались следующие воспоминания: «Она была бела, холодна, прекрасна, как статуя древности. Душевный жар, скрытый под этой мраморной оболочкой, мог узнать я только позже». Правда, эти мемуары оставил вовсе не Карамзин, а Вигель.

Зато, когда подросток Петр Андреевич, он сам сделался главной достопримечательностью дома. Этот оригинал оставил свой автопортрет: «У меня маленькие и серые глаза, вздернутый нос... Как бы в вознаграждение за маленький размер этих двух частей моего лица мой рот, щеки и уши очень велики. Что касается до остального тела, то я – ни Эзоп, ни Аполлон Бельведерский. У меня чувствительное сердце, и я благодарю за него Всевышнего!.. У меня воображение горячее, быстро воспламеняющееся, восторженное, никогда не остающееся спокойным. Я очень люблю изучение некоторых предметов, в особенности поэзии... Я не глуп, но мой ум очень забавен».

Впрочем, еще забавнее был Пушкин, когда навещал своего друга на Волхонке. Историограф Петр Бартенев доносил: «Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в доме как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвращения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга».

Неудивительно – ведь Александр Сергеевич был моложе друга Вяземского на семь лет.

В скором времени это владение купили господа Тутолмины, затем тут обитали Долгурукие, и к концу прошлого столетия оно, как и не менее достойные соседи, утеряло старое дворянское очарование и стало сдаваться внаем. Правда, и ему везло на съемщиков. Тут, к примеру, проживал Валентин Серов, и дочь его с восторгом вспоминала: «Квартира... была выстроена по старинному образцу, в три этажа. Внизу – парадное и кухня, на втором этаже – комнаты для взрослых, на третьем, в мезонине – комнаты для детей... Окна выходили в огромный долгоруковский сад. В этом саду было много птиц, в особенности ворон, которых папа так любил и которых он мог наблюдать и зарисовывать бесконечное количество раз... Папа стоял у окна и внимательно, я бы сказала – любовно, наблюдал за ними. Работал папа у себя в кабинете. Мастерской у него не было...»

Там, где теперь Музей изящных искусств имени Пушкина, находился плац, на котором проезжали верховых лошадей, и мы детьми залезали на деревья и часами наблюдали это зрелище».

Проживал тут и другой художник, Николай Мартынов (у него брали уроки живописи будущие издатели братья Сабашниковы). Впрочем, его квартира была известна не столько

творческими встречами, сколько жареными пирожками с гречневой кашей, луком и грибами, которые готовила его супруга.

После революции значимость этого дворца повысилась многократно. Здесь, например, обосновалось УЛИСО – Управление личного состава флота. В УЛИСО служила знаменитая Лариса Рейснер. Тут же она и проживала.

Сохранилось описание обиталища этой писательницы-революционерки, оставленное Львом Никулиным: «Один угол комнаты со стенами чуть не метровой толщины занимала канцелярия флаг-секретаря комфлота, в других углах на столах и диванах лежали трофеи – сигареты, английские консервы, оружие, любительские фронтовые фотографии. На одной был изображен весь обвешанный оружием чернобородый человек в каракулевой папахе – вождь партизан Кучек-хан; помнятся еще фотоснимки, запечатлевшие вооруженные пароходы флотилии – миноносец „Карл Либкнехт“, яхту комфлота „Межень“ с пробоиной от снаряда, отряд моряков в строю, опять моряки в живописных позах, группой у пулемета и даже верхом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.